

ПРОБЛЕМА КОНТИНУУМА В ФИЛОСОФИИ Г. В. ЛЕЙБНИЦА

«Никто не получит истинной и прочной метафизики, если не перейдет к рассмотрению континуума». Такую формулировку мы часто можем встретить в работах Лейбница — как в трактатах, посвященных логике, так и в тех сочинениях, где Лейбниц излагает свои взгляды на природу. Он ставит перед собой задачу выяснить соотношение бытия и познания, будучи одновременно и продолжателем философии Декарта, и его оппонентом. Спустя двести лет родоначальник феноменологии Гуссерль будет опираться на Лейбница в своих научных изысканиях с целью получить онтологическую структуру, основой которой должна быть аподиктичность, абсолютно неопровержимый факт. Для Лейбница таковой была монада, для Гуссерля — трансцендентальный субъект. Выстраивая свою структуру, Лейбниц прибегает к рассмотрению субстанции, активности и материи. Основные же характеристики субстанции — существование, стремление (*conatus*), сила (*vis*) и желание (*appetitus*). Ключевым понятием для Лейбница выступает сила представления.

В соответствии с этим онтология Лейбница может рассматриваться в трех планах: 1) континуум математический — высший мир в его протяженности; 2) континуум физический (природный) — сфера силы (именно поэтому динамика у Лейбница есть наука о природе); 3) континуум метафизический — иерархия субстанций. В первом континууме за основные единицы берутся математические точки, во втором — физические, а в третьем — метафизические. Основной характеристикой последних служит *resertio* — активность восприятия, поскольку в основе физических точек лежат метафизические — монады. Любая часть природы оказывается «представляющей» в самом широком смысле. Ведь поскольку все материальные явления делимы до бесконечности, с необходимостью должно существовать что-то вроде предела — основания, которое более не делимо, т. е. нечто бесконечно малое. Это и есть математическая точка. Свою теорию Лейбниц строит под влиянием «закона о непрерывности», кладя в основу континуума учение о монаде. Именно метафизическое обоснование дает Лейбницу возможность развить свои идеи в целостную систему. Ос-

новным принципом здесь выступает принцип общего порядка вещей, согласно которому природные процессы и события организуют гармонично связанную интеллигибельную систему.

Недостатком картезианской физики, согласно Лейбницу, является пассивный принцип в понимании материи, поскольку в такой трактовке материи отвергается существование активных начал в природе. Все процессы в природе редуцируются к событиям, окказионалистски выводимым из Божьей воли, т. е. к проявлениям этой воли. Исходя из этого может быть доказано не только несовершенство мира, но и несовершенство Бога, неспособного сотворить мир совершенным способом. Если отвергается наличие присущей природе силы, то Бог выступает агентом, который должен постоянно вмешиваться в мир конечных вещей, чтобы поддерживать и сохранять мировой порядок. А поскольку здесь всегда остается необходимо сослаться на чудо, то тем самым упраздняется само научное исследование мира. Признавая активность бытия природы, Ньютон строит свою физику на фундаменте соотношения отталкивания и притяжения, действия и противодействия¹. В основе ньютонианской онтологии силы лежит сила гравитации. Для Лейбница же такая гравитационная сила оказывается оккультной сущностью. Ведь, согласно доктрине Ньютона, одна часть материи притягивает к себе другую. Но что есть это притяжение и отталкивание? Ответить на указанный вопрос не так просто, поскольку именно онтологический статус силы весьма смутно обрисован в физике Ньютона. Чаще всего Ньютон апеллирует к тому, что раз неизвестна природа сил, то имеет место необходимость обратиться к Богу. Усматривая этот недостаток в физике Ньютона, Лейбниц в противовес ему на первое место выдвигает динамику, которая опирается на метафизику активных субстанций.

Пытаясь метафизически обосновать онтологию бытия, Лейбниц в 1695 г. создает свою монадологию. Краеугольный камень в ней — понятие силы, поэтому весьма закономерно, что динамика метафизических начал у Лейбница выстраивается в саморегулирующуюся и самоопределяющуюся систему. Он заново объясняет понятие субстанции, которая у него, в противоположность Декарту и Спинозе, в самой

¹ Впоследствии, говоря о теории тяготения Ньютона, Кант напишет: «Притяжение, или вообще тяготение, едва ли можно объяснить одними лишь механическими причинами, но... оно имеет свое начало во внутренних силах, присущих телам в состоянии покоя и действующих на расстоянии...» (*Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1963. С. 318).

себе заключает принцип существования, неделима и индивидуальна². Соответственно этому принцип индивидуации становится ведущим в понимании многообразия вещей. Но как индивидуальные субстанции, которые постоянно изменяются (поскольку изменяется их состояние во времени), чтобы наиболее полно и отчетливо представлять собой весь мир, сохраняют свою идентичность? Кроме того, можно ли использовать абстрактные понятия для обозначения индивидуальных субстанций? Согласно Лейбницу, общие понятия связаны с теми характеристиками, которые относятся к множеству вещей, но они не раскрывают сам принцип этих вещей: их существование. Любая субстанция включает в себе все свои атрибуты — таково совершенное понятие субстанции. Если бы мы не знали всех атрибутов субстанции, то имели бы лишь несовершенное понятие субстанции. Совершенное же понятие субстанции — это такое понятие, которое, будучи субъектом, содержит в себе все свои предикаты.

В отличие от Декарта и эмпириков Лейбниц наиболее фундаментальными полагает понятия существования и возможности, а это и есть онтология. В одной из своих ранних работ «Метафизические рассуждения о принципе индивидуации» (1663) Лейбниц схематично представляет всю структуру метафизики как обоснования науки о природе, используя при этом четыре основных положения: 1) всякие высказывания имеют субъект-объектную структуру; 2) все предикаты включаются в своем субъекте; 3) все существует благодаря достаточному основанию; 4) существуют индивидуальные субстанции. Удерживая в уме эту общую схему, можно попытаться рассмотреть, как Лейбниц приходит к онтологическому обоснованию бытия, создавая свое монадологическое учение, и проследить его генезис. Будем исходить из проводимого Лейбницем разграничения между Божественным разумом и Божественной волей. Вечные истины существуют, не завися от воли Бога, но в то же время существование индивидуальных субстанций зависит от этой воли. Реально существующий мир зависит от воли Бога, а Бог всегда из всех возможных миров выбирает наилучший. Что значит «из всех возможных»? Возможно лишь все то, что исключает противоречия. То есть и здесь у Лейбница метафизика и логика идут рука об руку. Среди всех возможных субстанций реально

² Лейбниц рассматривает индивидуальное в положительном смысле, тогда как для Спинозы индивидуальное негативно и представляет собой лишенность. Согласно Лейбницу, индивидуальное включает в себя бесконечное, так что, имея принцип индивидуации, мы обладаем и Божественным знанием.

существуют только те, которые составляют максимальную степень разнообразия, гармонии и совершенства мира. Бог реализует такой возможный мир, в котором совершенство, будучи максимальным, представлено бесконечным разнообразием монад как активных единиц уникального перспективного представления. Принцип совершенства лежит в основании Божественного выбора и преломляется в принципе достаточного основания для существования реального мира, так как Бог руководствуется в Своем выборе архетипом совершенной композиции. Принцип совершенства вытекает из самой природы Бога, которая необходима, но выбор Бога, Его действия совершенно свободны³. Необходимая природа Бога раскрывается в бесконечно разнообразных степенях вещей в мире, которые в своем существовании согласуются с предустановленной гармонией. Таким образом, бесконечное есть основание всякой индивидуальности. Индивидуальные субстанции выступают основанием всех своих предикатов, поскольку субстанция как субъект содержит в себе все свои предикаты⁴. Любая монада включает в себя все свои атрибуты, выражающие индивидуальность именно этой, а не какой-либо другой монады. В природе не существует двух одинаковых монад, и природа каждой субстанции выражает именно ее сущность. Это означает, что каждая субстанция заключает в себе конституирующую основу, которая обеспечивает связь между монадой как субъектом и всеми ее предикатами (если рассматривать монаду в логическом смысле), или атрибутами (если брать ее онтологический смысл). Следовательно, то, что представляется в восприятии как связь качеств вещей, на самом деле коренится во внутренней реальности каждой индивидуальной субстанции.

То, что мы обычно называем природой, есть для Лейбница не что иное, как сила или форма⁵. А поскольку активность неотделима от природы субстанции, то она выступает у Лейбница в качестве телеологического понятия, призванного раскрывать процессы изменения в мире. Каждая субстанция имеет собственную «историю» своих состояний. Не завися от другой субстанции, она сама творит историю

³ Здесь пафос Лейбница также направлен против спинозизма, где царствует только необходимость, а значит, нет никакого выбора, нет свободы.

⁴ Термин *subiectum* используется здесь в смысле средневековой схоластики, т. е. относится и к монадам, и к логическому субъекту. Хотя Лейбниц и различает онтологический и логический субъекты, в данном случае они совпадают.

⁵ См.: *Лейбниц Г. В.* 1) О самой природе, или природной силе и деятельности творений // Лейбниц Г. В. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 291–306; 2) Порядок есть в природе // Там же. С. 234–236.

своего существования, т. е. фиксирует все свои изменения, основанные на ее собственной индивидуальной природе. Но здесь возникает вопрос: если субстанция с самого начала заключает в себе все свои атрибуты, так что каждый предикат относится к определенному моменту ее истории, то как же тогда сам Лейбниц объясняет процесс изменения? Ведь каждая субстанция выступает субъектом всех своих состояний, осуществляющихся во времени. Чтобы ответить на этот вопрос, следует вспомнить, что Лейбниц проводит различие между состоянием субстанции во времени и ее атрибутом, который остается неизменным во всех ее состояниях. Понятие индивидуальной субстанции включает все изменения и обозначения, поскольку всякое изменение есть ее проявление. Полная актуализация каждого изменения непрерывно демонстрируется во всех последующих состояниях субстанции. Субстанция обладает внутренней способностью к действию, и именно наличие такой внутренней силы позволяет объяснить все изменения природного мира. Тем самым Лейбниц снова выносит на обсуждение вопрос о конечных причинах в природе, от ответа на который в свое время уклонился Ньютон да и многие другие ученые Нового времени.

В своей работе «Об усовершенствовании первой философии и о понятии субстанции» (1694) Лейбниц пишет, что понятие субстанции тесно связано с учением о континууме, а в «Монадологии» говорится, что сложные вещи состоят из простых. Исходя из того что все протяженное делимо логически и реально, делимость есть признак сложности. Понятие сложного предполагает понятие простого, так же как понятие делимого предполагает понятие неделимого. Материальное является протяженным, составным и делимым, следовательно, неделимое должно быть простым и непротяженным⁶. А так как Лейбниц стремится найти сущность подлинного бытия, его не удовлетворяет решение Декарта, поскольку, согласно Лейбницу, Декарт впадает в противоречие, когда он говорит о протяженной субстанции. Ведь если есть делимость до бесконечности, то в результате мы получаем ничто. А как из ничто может возникнуть нечто? Еще Аристотель говорил, что только из нечего может возникнуть нечто. Поэтому, чтобы избежать «оказий» (вмешательства Бога), Лейбниц именно с помощью монады обосновывает многообразие мира. Ведь монада есть простая, неделимая внутренне активная сила. Она единосуца. А именно так определя-

⁶ Подробнее об этом см.: *Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.). Формирование научных программ Нового времени. М., 1987. С. 361.

еся бытие, поэтому все, что не единосуще, не может быть подлинным или истинным. Но здесь опять возникает вопрос: если монады — простые единицы, то как они могут претерпевать изменения, раз изменение напрямую связано со сложностью? Чтобы ответить на данный вопрос, нужно правильно истолковать то высказывание Лейбница, где говорится, что это происходит именно благодаря связи внутренней организации с реальностью индивидуальных субстанций. Каждая субстанция имеет свою внутреннюю организацию. Простая субстанция может иметь различные состояния, и тем не менее она неделима. Но если монады неделимы, поскольку они непротяженны, то вполне резонно спросить, неделимы ли они во времени. Если они неделимы во времени, тогда они не имеют истории, а значит, исключается всякое изменение. Трактовка всех этих вопросов выдвигает на первый план понятие континуума.

Способность действовать, активность есть основной атрибут монады как духовной субстанции. Как впоследствии Беркли, Лейбниц усматривал активность в стремлении к восприятию (т. е. именно как *perceptio*, воспринимаемость или представляемость), которое распространяется на всю реальность. Весь универсум образуется из простых субстанций. Лишь духовная субстанция — окончательный и реальный «экзистент» (если использовать терминологию средневековой схоластики), реально сущее, индивидуальная монада. Принцип активности, о котором Лейбниц подробно говорит в трактате «Об усовершенствовании первой философии и о понятии субстанции», оказывается наиболее интеллигибельным (опять же выражение средневековой схоластики), т. е. понятным, так как активность аналогична стремлению представлять собой весь мир. Лейбниц пытается показать, что онтология механизма (механическое понимание мира у Ньютона) основывается на абстрактных, т. е. несовершенных, понятиях. Выстраивая свою метафизику субстанции, Лейбниц доказывает, что протяженность не может быть исходным понятием. Она есть феномен восприятия. Материя и движение суть феномены восприятия, т. е. феноменальный мир образует перцептуальный континуум, а не математический⁷. Протяженный — т. е. математический, физический — континуум не является окончательным и основным понятием мира. Такой континуум в своем существовании зависит от того, что непрерывно действует. Фи-

⁷ Лейбниц Г. В. Опыт рассмотрения динамики. О раскрытии и возведении к причинам удивительных законов, определяющих силы и взаимодействие тел // Лейбниц Г. В. Соч.: В 4 т. Т. 1. С. 262. — Позднее эту идею разрабатывал Кант.

зическое существование основывается на активности, на принципе действия. Лишь то, что обладает силой действия, способно непрерывно воспроизводить активность. Согласно Лейбницу, картезианцы хотя и говорят о разуме, но не идут дальше чувственного восприятия, поскольку природный мир у них ограничивается протяженностью. Но протяженность — это всегда множество. А время обеспечивает непрерывность существования. Реальными единицами⁸ протяженных вещей выступают активные непротяженные единицы, или монады. Следовательно, в своей окончательной реальности протяженные вещи — это множество субстанций, которые суть активности восприятия. Собрание монад воспринимается как непрерывное и протяженное целое, подобно тому как радуга есть собрание бесцветных частиц⁹. Протяженное не является реально непрерывным, поскольку оно делимо. В своей основе протяженное представляет собой множество сосуществующих в данный момент субстанций. Любое состояние субстанции определяется силой, т. е. ее стремлением к изменению, и это качество внутренне присуще всем простым субстанциям. Явление непрерывности в протяженном континууме на самом деле есть не что иное, как непрерывное действие множества отдельных субстанций. Единство их бытия, обеспечиваемое непрерывным действием, порождаящим различные состояния, выражает сущность феномена непрерывности. Другими словами, протяженный континуум представляет собой проявление непрерывно действующих и неделимых субстанций.

В трактате «Опыт рассмотрения динамики», имеющем подзаголовок «О раскрытии и возведении к причинам удивительных законов, определяющих силы и взаимодействие тел», Лейбниц говорит, что в основе натурфилософии лежат три категории, а именно: пространство, время и движение. Воспринимаемые протяженности и изменения суть явления. А субстанции и их атрибуты представляют собой актуальные окончательные экзистенты. В результате получаем следующую картину физического мира: феномены восприятия — это протяженные агрегаты, поскольку всякая протяженность есть бесконечное множество частей, коль скоро нет актуальной границы делимости всего протяженного. Поскольку всякая протяженность является составной, а значит, должно быть и окончательное единство бытия природных вещей, постольку все протяженное в своей основе имеет наличие неделимых

⁸ См.: Лейбниц Г. В. Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душою и телом // Там же. С. 271–281.

⁹ См.: Лейбниц Г. В. О глубинном происхождении вещей // Там же. С. 282–290.

и непротяженных монад. Таким образом, источником материальных явлений оказываются нематериальные монады. Математические точки нереальны, поскольку неспособны совершать действие. Лишь то, что наделено способностью к действию, может быть простым и одновременно реальным, и только это может объяснить наше восприятие всего протяженного. Подлинно существуют лишь простые монады, поскольку они суть единицы активности. Следовательно, протяженные тела, или физический континуум, — это одновременное действие множества сосуществующих субстанций, или монад. С другой стороны, понятия пространства, времени и движения, постигаемые математически, образуют схему, которую наш разум налагает на изменяющиеся феномены. На уровне феноменов все имеет свою протяженность и длительность. Но это не есть их собственное пространство и время. Протяженность и длительность — возможные порядки феноменального уровня. Пространство представляет собой возможный порядок существования, а время — возможный порядок последовательных состояний изменения. Следовательно, пространство и время, которые относятся к феноменальному порядку воспринимаемого континуума, имеют свое основание во внутренней организации монад, или субстанций. Пространство возникает из воспринимаемого порядка сосуществующих одновременно феноменов, время — из воспринимаемого порядка последовательных событий или изменений. Здесь, в своей концепции физического мира, Лейбниц проводит различие между идеальными и феноменальными сущностями, с одной стороны, и реальными — с другой. Такое различие позволяет Лейбницу объяснить проблему континуума.

Пространство и время суть нечто неопределенное, подобно любому континууму, части которого могут выбираться произвольно. Пространство и время относятся не только к реальному, но и к возможному порядку вещей. Целое предшествует части, а простое (субстанция) предшествует целому. Целое есть представление любой индивидуальной монады во всех ее состояниях, если мы берем какую-либо монаду отдельно от всех других. Математический континуум относится к идеальной модальности. Время и пространство — это идеальные принципы упорядочивания физического мира. Индивидуальные субстанции как простые и неделимые единицы составляют окончательную, подлинную реальность. Поскольку бытие и единство суть одно и то же, постольку реальным и действенным может быть только нечто простое, т. е. монада. Феноменальные и составные единства упорядочиваются в процессе восприятия лишь в той степени, в

какой они представляют собой модусы простых субстанций. Теперь полное решение проблемы континуума в концепции Лейбница выглядит так: идеальные, или математические, порядки непрерывны, и части их существуют потенциально (имеются в виду математические точки), актуальные же порядки просты и неделимы, а это и есть субстанции¹⁰. Правда, здесь возникает еще одна проблема: как можно говорить о непрерывности действия индивидуальных субстанций? Согласно Лейбницу, изменение в индивидуальных субстанциях непрерывно, бесконечно мало и произвольно (в силу изначально присущего им стремления). Каждая субстанция как бы запрограммирована на развертывание своей уникальной истории. Но имеется непрерывный порядок актуальных субстанций, в котором одна субстанция отличается от другой. Таким образом, понятие непрерывности основывается у Лейбница на принципе полноты. Ведь природа включает в себе максимальную полноту разнообразия. А полнота разнообразия означает совершенство мира, проистекающее из Божественного бытия.

Таким образом, перцептуальный континуум оказывается производным от активности индивидуальных субстанций, которым присуща внутренняя тенденция перехода из одного состояния в другое в стремлении как можно полнее и отчетливее представить во всех своих состояниях мир, раскрывающийся в той или иной уникальной перспективе. Различие состояний предполагает временное изменение. А стало быть, время оказывается внутренне присущим природе самих субстанций. Но возникает вопрос: если субстанции просты, то как они могут иметь различные состояния во времени? Ведь простота исключает последовательное различие. На этот вопрос Лейбниц отвечает так: мгновение есть единица времени, т. е. это не часть времени, а основное время. Так, субстанция выступает основанием феноменов, мгновение — основанием времени. Мгновение неделимо и реально. Поэтому простые субстанции есть не что иное, как динамика мгновенных состояний, т. е. монадам внутренне присущи временные каче-

¹⁰ Кант разрешил противоречие между дискретностью монад и непрерывностью пространства так: «Монада определяет пространство, в котором находится, не множественностью своих субстанциальных частей, а сферой своей деятельности, которая удерживает близлежащие монады, находящиеся по обе стороны от нее, от дальнейшего приближения к ней» (*Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 1. С. 325). Таким образом, деление пространства на части (для Канта принципиально) не предполагает деления на части самой монады, ибо протяженность — это не сама монада, а только сфера ее деятельности. Деятельность монады и есть источник той силы, которая удерживает монады от взаимопроникновения и носит название непроницаемости.

ства. Субстанции существуют в мгновениях, которые лишены длительности, т. е. имеют вневременной характер. Таким образом, субстанции существуют как бы вне времени.

Итак, у Лейбница можно обнаружить две концепции бытия монад. В первой утверждается, что каждая монада содержит в себе все свои атрибуты. Кроме того, она вечна, т. е. существует как бы вне времени. Согласно второй концепции, монады конституируются как сущности, заключающие в себе свою еще не актуализированную историю. Таким образом, они развертываются во времени, подобно целесообразным действиям души. Монады представляют собой вечные сущности, существующие во все моменты времени.

Лейбниц не случайно отмечает важность и сложность представленной проблемы, не случайно говорит о «лабиринте континуума», выход из которого создает трудностей больше, чем разрешает. Эти трудности выявляет Кант в «Критике чистого разума», пытаясь разрешить их в концепции трансцендентального субъекта. Кроме того, в последовательно продуманной системе трансцендентализма реалистические мотивы монадологии редуцированы до «вещей в себе». Для Канта «вещи в себе» — это мир, взятый «изнутри», тогда как явления — это мир, воспринятый «извне». Вещь в себе — это и есть, собственно, монада. Позднее Эрнст Трёлльч, много лет занимавшийся изучением Лейбница, скажет: «Я нахожу, что Кант может быть понят, только если рассматривать его философию как своего рода скрытую монадологию. Его “сознание вообще” — это своеобразный срез монад»¹¹. Да и сам Кант рассматривает монадологию Лейбница именно как метафизику. П. А. Флоренский, и притом как раз в связи с проблемой континуума в философии Лейбница, отмечает, что «по воззрению немецкого метафизика (имеется в виду Лейбниц. — О. К.), пространство и время... есть лишь следствие того, что подлинно есть, — вещей метафизических...»¹²

¹¹ Цит. по: *Mahnke D. Leibnizens Synthese von Universalmathematik und Individualmetaphysik*. Stuttgart; Bad Cannstatt, 1964. S. 110.

¹² Цит. по: Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Вып. 3. Калининград, 1978. С. 134.